

В. В. ЛУЧКОВ

К ОНТОЛОГИЧЕСКОМУ ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПСИХИКИ¹

В настоящей статье автор ставил перед собой достаточно ограниченную цель, обозначенную в названии статьи. Вместе с тем он отдает себе отчет в том, что предложенное им понимание психики как бы налагает на него ряд обязательств: во—первых, назвав психику вещью, мы должны развернуто описать механизм и изложить историю появления этой вещи в мире других вещей, т.е. представить онтологическую картину психогенеза. Во—вторых, назвав психику принадлежностью индивида, мы должны указать, в какой момент своего существования индивид становится обладателем этой принадлежности; более того, мы должны указать, как формируется, разворачивается психика в процессе индивидуальной жизни, как она превращается в эффективный механизм, обеспечивающий жизнь индивида, и как она работает в качестве такового, — т.е. мы должны представить онтогенетическую и актуалгенетическую схемы психики. В третьих, мы должны показать, как осуществлялась эволюция психики от вида к виду, уметь нарисовать картину межвидовых различий, составить хотя бы приблизительную типологию психики — т.е. представить филогенетическую систему психогенеза. Кроме того, мы должны, в четвертых, увязать введенное нами понятие с системой традиционных психологических понятий и, в пятых, построить междисциплинарную модель психики, указав, в частности, место психологии в системе наук, поставляющих ей необходимые знания. Наконец, и это? в шестых, академические традиции требуют представления возможно более полной сводки воззрений, отличающихся от авторского, и критики их, экспликации автором генезиса представлений, в русле которых сформировались его собственные взгляды, а также описания теоретических и практических преимуществ его взглядов по сравнению с альтернативными; автор, кроме того, должен суметь сделать прогностические выводы к отношении дальнейшего развития своих взглядов.

Только сделав это, мы сумеем трансформировать пафос, интуицию и общеметодологические подходы в основательную и устойчивую теорию.

Все названное, однако, большие темы, каждая из которых требует самостоятельной логики рассуждения, своего композиционного оформления и, следовательно, своего времени и места. Автор, кроме того, сознательно стремился к такой стилистике изложения, которая позволила бы ему не столько ответить на вопросы, сколько поставить и спровоцировать их, — исходя из того, что данная статья не более, чем начало большого и назревшего разговора. Более того, автор просит помощи у читателей в дальнейшем уточнении и понятийном оформлении намеченных в статье представлений...

Предлагаемое в статье понимание психики делает также возможным и обязательным преодоление — на деле, а не на словах — восприятия психологии представителями других подразделений науки как эзотерической и произвольной гносеологической конструкции. В свою очередь, психология и сама не должна и не может стоять в стороне от центральных для биологии и физики проблем происхождения и эволюции форм материи — ибо это для нее не необязательные и абстрактные разговоры, а то, чем определяется понимание сути ее предмета.... Психологической проблематике пора влиться равноправным и равноактуальным партнером в широкий спектр тематики естествознания и общественных наук, т.е. сделать то, чему ее с самого начала призывали и на что ее ориентировали фундатеры и стратеги современной психологии — Вундт (там), Выготский (здесь)...

В. Лучков

¹ Лучков В.В. К онтологическому определению психики / С комментарием Э.А.Чамоковой. М., 2008. С. 4–40.

Психика плохо определенное понятие. Плохо — с точки зрения определенности стоящей за этим понятием реальности. Реальности, понятием о которой является психика.

Психика — не единственное плохо определенное понятие в науке. Плохо в указанном смысле определены, например, электрон, ген. Но и у физика, и у генетика нет сомнений в том, что этим словам соответствуют вполне материальные реальности, локализованные в каждый конкретный момент в пространстве и заполняющие собой какой — то объем пространства, т.е. представляющие собой пусть малую и изменчивую, но безусловную часть естества, сущего. Иными словами, электрон и ген для физика и генетика онтологичны. И споры в физике и генетике идут не о принципиальной реальности электрона и гена, а о характере и понятийном отображении этой реальности. В частности, особое место занимают вопросы о горизонтальном и вертикальном терминовании названных объектов. На каком уровне рассмотрения сущего, например, электрон определяется как онтологический объект и на каком уже не существует в качестве такового, превращаясь в иную форму организации материи? Или: где — на данном уровне организации вещества кончается электрон и начинается, скажем, протон? В генетике подобные вопросы возникают, например, при определении локусов конкретных генов. (Заметим, что и ген, и электрон — очень маленькие, мельчайшие структурные единицы данных видов материи.)

Психолог, в отличие от большинства своих академических коллег страдает — воспользуемся психологическим жаргоном — «комплексом предметной неполноценности». Обычно он не может просто и ясно указать или проиллюстрировать на простой и ясной модели, что есть та психика, которую он изучает. В лучшем случае он сообщит или согласится с тем, что психика — это та конечная инстанция, на постижение которой направлена его профессиональная деятельность. Психолог, иными словами, имеет в качестве предмета своей науки нечто — воспользуемся еще раз психологическим жаргоном — «неопредмеченное».

Неопредмеченность предмета (безобъективность) не единственная беда психологии. Еще бóльшая беда — многопредметность. Далеко не все психологи согласятся с тем, что они изучают психику. В ряде психологических направлений, как известно, о психике вообще не говорят, а говорят о рефлексах, интегративной или аналитико-синтетической деятельности мозга, поведении, деятельности, сознании, актах сознания, личности и т.п.

Для психологии в целом в принципе характерна спекулятивная методология предметопостроения: предмет строится не как концептуализация непосредственно данного объекта, а как концептуализация по поводу объекта, имплицитно полагаемого сущим — при этом ожидается, что объект откроется в предмете (или за предметом). Онтологическое ощущение (тем более — видение) объекта при этом нередко отсутствует, существует лишь сугубо философское постулирование его либо в виде какой-то материальности, либо духовной субстанции и т.п. — в зависимости от философских предпочтений теоретика. Концептуализируется в психологии, фактически, только феноменология — субъективная, социальная, культурно-логическая, поведенческая, экспериментальная или иная. Иными словами, для психологии типичен онтологический разрыв между объектом и его предметными представлениями. Как следствие, различным предметным представлениям в психологии могут быть поставлены в соответствие различные и совершенно необязательно тождественные (одноприродные) объекты. Другое следствие в том, что психология вот уже не один десяток лет представляет собой

конгломерат разнонаправленных и разноисходящих исследовательских направлений; при этом нередко утверждается, что общий знаменатель в психологии в принципе невозможен, а самой психологии суждено трансформироваться из науки в технологию.

Уместно вспомнить в этой связи слова П.Я.Гальперина о том, что «в советской психологии вопрос о ее предмете не привлекал особого внимания» (Гальперин, 1976, с. 22). Начатая было в 1971–72 гг. журналом «Вопросы психологии» дискуссия о предмете психологии¹ осталась фактически незавершенной, да и спор в ней шел по преимуществу «не о том, что действительно составляет этот предмет, а о том какая часть традиционно понимаемого предмета психологии может сохраниться за нею под натиском вычислительной математики и ЭВМ» (там же, с. 22). Действительно, диспутанты лишний (излишний) раз продемонстрировали затянувшееся в психологии концептуальное разногласие, но не сумели — несмотря на ряд тонких и глубоких замечаний (в первую очередь в выступлениях М.Г.Ярошевского и Я.А.Пономарева) — сделать важные выводы о необходимости различения собственно предмета науки (как той или иной творческой концептуализации ее объекта) и ее предметного поля (как некоторой совокупности предметных представлений объектов, находящихся в сфере внимания этой науки в силу их релевантности ее предмету), а также о необходимости и возможности интерпретации многообразия фиксируемых подходов как результата стихийной внутрисубъектной перефокусировки анализа, теоретической фиксации исследователей на различных генетических уровнях и модуляциях единого исследуемого объекта. И уж подавно не сумели диспутанты сколь-нибудь сблизить свои точки зрения.

Как следствие, в 1976 г. П.Я.Гальперин сделал радикальный вывод: «...представления о предмете психологии, которые предлагались и принимались до сих пор, оказались ошибочными. А одного указания на психические процессы — мышления, памяти, воображения, чувства — совершенно недостаточно для построения психологической науки» (Гальперин, 1976, с. 7). И выдвинул радикальный тезис: «Только ориентировочная деятельность составляет предмет психологии» (там же, с. 96). Обоснованию этого тезиса посвящены процитированная только что работа и доклад, подготовленный к V Всесоюзному съезду общества психологов (см. Гальперин, 1977). Частью и этапами обоснования являются редукция психики к психической деятельности («...нужно прежде всего выяснить, что такое сама психика, психическая деятельность...» — там же, с. 33). Окончательная формулировка выглядит следующим образом: «Структура ориентировочной деятельности — ее формирование, развитие и характерные особенности на каждом этапе развития функции в каждом периоде жизни субъекта — составляет подлинный предмет психологии» (там же, с. 38).

Если в концепции Гальперина психика сохраняется, хотя и в редуцированной форме (деятельностная редукция психики), то в радикальном (после-Леонтьевском) варианте психологической теории деятельности психика полностью ликвидируется в качестве специфического предмета — объекта психологии и утверждается необходимость полной перестройки «здания психологической науки на языке теории деятельности» (Давыдов, Зинченко, Талызина, 1982). Этот призыв прозвучал в докладе трех названных авторов, подготовленном для обсуждения на специальном заседании межведомственного методологического семинара Общества психологов СССР, посвященном вопросу о «Категории деятельности в советской психологии» (14 мая 1981 г.). Год спустя доклад был опубликован в виде статьи практически в неизменном виде в «Вопросах психологии» (1982, № 4). Показательно,

¹ См. Вопросы психологии. 1971, № № 4-6 и 1972, № № 1-3.

что ни в докладе, ни в статье психика ни разу не упоминается — совершенно очевидно, что за ненадобностью¹.

Позиция трех авторов в понимании соотношения психики и деятельности была достаточно ясно изложена в заключительном слове В.В. Давыдова — главного «ответчика» по докладу на семинаре, фактически (и почти дословно) он сказал следующее. Психика — исходное, натурально исходное, понятие психологии. Это понятие фиксировало некоторую реальность все то время, пока не существовало понятие «деятельность». Это последнее возникло, было введено, именно для того, чтобы лучше объяснить, сориентироваться в понимании той реальности, которая раньше обозначалась понятием психики. И оно, действительно! объясняет ее лучше (а точнее, только оно-то и объясняет). Таким образом, слово психика можно сохранить, но как полный (хотя и ненужный, излишний, донаучный) синоним деятельности. Иными словами, «психики» как особой реальности нет. Есть деятельность — и как самостоятельная реальность и как объяснительный принцип той реальности и феноменологии, к которой пристал обветшалый ярлычок «психика».

С годами уверения в теоретической универсальности категории деятельности стали звучать все менее убедительно и категорично. О возможности и необходимости иных интерпретаций взглядов А.Н. Леонтьева — основателя деятельностного подхода в отечественной психологии говорилось и на упоминавшемся выше методологическом семинаре и на прошедшей не так давно (8—10 февраля 1983 г.) конференции «Проблема деятельности в советской психологии» (посвященной 80-летию со дня рождения А.Н.Леонтьева). Тем не менее — как показала мини-полемика на конференции между А.В. Брушлинским и Б.Ф. Ломовым, с одной стороны, и Н.Ф. Талызиной и Ю.Б. Гиппенрейтер, с другой, — деятельностная позиция останется относительно незыблемой до тех пор, пока ее критики не сумеют превратить психику из «журавля в небе» (той самой конечной инстанции исследования) в «синицу в руке» (т.е. в конкретный и осязаемый объект).

Концептуальная и методическая неуловимость психики — давно уже притча во языцех. Именно она — причина бихевиористского «побега в поведение» и практически всех форм редукционизма в психологии. Но так ли уж безнадежно неуловима психика?

С точки зрения автора, невидение психики является просто результатом привычки ее не видеть. Между тем, возможность и необходимость преодоления этой перцептивной инерции давно уже — и с избытком — подготовлена интуицией и конкретной практической и теоретической работой многих и многих исследователей. Не только психологов, но и психологов в очень не малой степени.

Психику трудно объяснить — объяснить как появляется психика в филогенезе и онтогенезе, объяснить как она работает у конкретного индивида. Но увидеть психику легко. Достаточно посмотреть на этого самого конкретного индивида.

Действительно, что мы при этом увидим? Человека? Но назвав видимый нами объект человеком, мы просто определим его видовую принадлежность. Назовем его живым существом? Но этим мы отнесем его лишь к огромному классу живых существ. Предположим дополнительно, что рассматриваемый индивид — наш хороший знакомый. Как же нам определить его во всей знаемой нами уникальности и неповторимости? Назвать индивидом? Но это даже хуже, чем просто назвать его по имени. В каком же понятии содержательно зафиксирована уникальность индивида? В чем

¹ Выступления участников записывались на магнитофонную пленку. Машинописная копия этой записи хранится на факультете психологии.

содержательно состоит его индивидуальность? Таким понятием является психика — глубоко и принципиально уникальный «образ мира».

Концепция психики как уникального образа мира, равно как и весь строй развиваемых в этой статье представлений имеют своим началом размышления автора над следующими словами А.Н. Леонтьева: «Проблема восприятия должна быть поставлена и разрабатываться как проблема психологии образа мира» (Леонтьев, 1979, с. 4).

За сочетанием слов «образ мира», воспринятых автором сначала метафорически, постепенно проступала для него истина, требовавшая онтологического осмысления. Автору постепенно казалось все более правомерным более широкое утверждение: проблема образа мира — это проблема психологии в целом.

Здесь, видимо, уместно дать «рабочее» определение психики — не обязательно сразу же понятное или приемлемое для читателя, но необходимое ему в качестве общего ориентира. Итак, в нашем представлении, психика — это автономный живой онтологический объект, понимаемый, с одной стороны (в плане его генеза), как индивидуальный образ мира, как субстантивированная и всегда уникальная история отражения данным индивидуальным живым объектом мира объектов в процессе прижизненного развития по законам своего вида, а с другой стороны (в функциональном плане) — как индивидуальный механизм актуального существования живого объекта в реальном мире путем экстраполяции накапливающегося опыта, либо реализации генетически заданных программ.

(Следует, видимо, предупредить неизбежный вопрос: как соотносятся при таком определении понятия «психическое» и «живое»? — Парадокс не возникнет, если не потерять из виду, что «психика» — есть онтологическое понятие, понятие об объекте (за словом «психика» стоит натуральный и законченный объект), а «жизнь» — есть гносеологическое понятие, понятие о качестве объекта, образуемое аналитическим путем с целью таксономизации некоторого множества объектов (к которому данный объект или принадлежит — поскольку обладает данным качеством, или не принадлежит, поскольку не обладает данным качеством).

В определение жизни входит набор качеств — критериев, по которым мы отличаем «живые» объекты (или системы) от «неживых» — эти критерии достаточно неопределенны, условны и несогласованны. Говорится, например, что «живая» — это такая система, которая способна к направленному использованию энергии для создания порядка из беспорядочной или менее упорядоченной среды (что в биологических терминах означает рост и дифференцировку, опосредованные метаболическим процессом. Биологи далее включают в определение способность к воспроизведению и передаче программы роста и дифференцировки другой системе, т.е. к размножению, а также способность к изменению программы в ответ на изменение среды, т.е. к мутациям и отбору), говорится как о критерии жизни о минимальной скорости возрастания энтропии, следствием чего является достижение максимума биомассы, и пр. В любом случае определяется не объект как таковой, а граница между объектами одного вида (живыми) и объектами другого вида (неживыми). Эта граница не безразлична психологу, слово «живой» включено и в наше определение психики, но где (выше или ниже) в иерархии онтологического будет проведена граница — дело консенсуса ученого мира, дело гносеологического вердикта. Как только эта граница проведена, все объекты выше нее (на данной линии объектогенеза) будут психиками — хотя, разумеется, до известных пределов. Пределы связаны с тем, что живые объекты помимо порождения себе подобных порождают

(и в изобилии) также типологически отличные (и, в том числе, новые) вещества — это продукты из метаболизма, артефакты их деятельности, предметы культуры и др.)

А теперь поясним (и отчасти развернем) предложенное выше определение психики с помощью нескольких тезисов.

1. Отвлекаясь от человека и обращаясь к биологическим объектам в целом с монистических позиций, можно утверждать, что все в них подчинено универсальному биологическому назначению — обеспечению их выживаемости, опосредуемому механизмами адекватного индивидуального развития и адекватного отражения среды развития, и как следствие — обеспечению выживаемости (сохранения) соответствующего биологического вида, опосредуемому механизмами размножения. Можно говорить о распределении у каждой особи жизненных функций между органами и их системами, но это распределение подчинено названной общебиологической цели. Деятельность всех органов объединяется и снимается при этом целекупным органом–организацией — психикой, специфически организованным образом мира (ОМ).

Почему же все–таки *образ мира*? Дело в том, что каждый индивид есть уникальное произведение (отображение, продукт) уникально складывавшихся и формировавших его жизненных обстоятельств (от маломасштабных, точечных, микрообъектных до крупномасштабных, глобальных, макрообъектных). Его уникальность складывается во взаимодействии с миром, и в этом смысле по его образу можно судить о его мире. В сиюмоментном образе индивида отображена (запечатлена) вся история отражения им его мира. В отличие от неживых объектов здесь есть, однако, тонкая специфика, состоящая в том, что материал, на котором фиксируются встречи с миром, творится самой психикой в процессе саморазвития.

Мы утверждаем, таким образом, что психика является средством (но не инструментом) реализации общебиологического предназначения индивида, обладающим видовой изменчивостью и индивидуальной изменчивостью внутри вида.

Будучи принадлежностью особи, психика возникает вместе с особью. У человека — хотя и достаточно условно — началом и особи, и психики является акт зачатия, озаменованный появлением диплоидной зиготы. С этого момента начинается — если обстоятельства окажутся благоприятными индивидуальная история зачатого организма, его онтогенез. Прогрессивное развитие этого организма возможно потому, что он психичен — обладает способностью к активному, подчиненному генетической механике развития отражению. Развивающийся внутри материнского организма плод требует поддержания последним строго определенного режима биохимического обеспечения функциональных потребностей своего роста, в критических случаях прекращая развиваться и отторгаясь от матери.

Тот факт, что наделенная психикой материя структурно воплощает в себе адекватный этой психике модус жизни, необходимо предполагает, таким образом, способность к активному структурированию (в той или иной форме — в зависимости от видовой принадлежности) среды своего развития и жизни.

Мы здесь сознательно не касаемся вопроса о психичности родительских составляющих новой особи, о генетической преемственности психического. Вопрос этот будет обсужден в более специальном контексте. На данной стадии развертывания текста позволительно также отвлечься и от частных случаев размножения (партогенез, близнецовое развитие и др.) Достаточно сказать, что у

высших животных с началом индивидуального эмбриогенеза всякий раз заново начинается процесс формирования индивидуальной психики.

Итак, психика соответствует индивиду, а не виду. Она смертна. Она зачинается смертными особями и, как бы, передается ими другой смертной особи. В акте рождения дочерняя психика исходит из материнской плоти и начинает — в зависимости от вида — вести более или менее самостоятельное существование. Однако уже с момента зачатия психика требует адекватной себе среды и адекватно последней воплощается, подчиняясь, в свою очередь, общебиологическим и, в случае социальных животных, социальным законам. Реальные процессы формирования под давлением мира и существования в мире этой особым образом организованной плоти — психики и составляют фактически, на практике, предмет изучения в психологической науке.

2. Если понимать адекватность среде как сознательное или бессознательно знание действий, адекватных условиям, времени, окружению и т.п., т.е. понимать адекватное и как собственно рациональное (как эмпирическое, так и теоретическое научное) знание, и как способность к выполнению «умных» (уместных, адаптивных) реакций и установок, то психика, или образ мира, будет представлять собой в таком контексте системное знание (мира, но не обязательно знание о мире), формирующееся в онтогенезе в соответствии со свойственными данному виду закономерностями развития.

Чем выше по эволюционной лестнице, тем богаче (по номенклатуре составляющих) и разнообразнее (с точки зрения индивидуальности опыта) образы мира. Начиная с некоторого уровня эволюции живого становится возможным говорить о появлении в рамках ОМ специфического образования — субъективного образа мира, превращающегося у человека в концепцию мира. («Образ мира» у Леонтьева — тот самый отправной пункт наших размышлений, представляет собой как раз один из теоретических вариантов такой концепции.)

Единый мир одновременно дан человеку тройко: 1) как то что противостоит ему как объекту (мир как отображаемое, мир как то, под чьим давлением человек и формируется в качестве индивидуального динамического (отражающего) «слепок»-образа своего мира), 2) как то что противостоит человеку как деятельному и действующему субъекту (мир как практически отрабатываемое, как совокупность объектов манипулирования), наконец, 3) как то что противостоит ему как сознающему и познающему субъекту (мир как умопостижимое, отображаемое в значениях и фиксируемое средствами культуры, мир как система порождаемых в процессе практического освоения объектного мира знаковых триад «(интериндивидуальное) значение — знак — (интраиндивидуальный) смысл».

Каждому модусу данности мира соответствуют свои формы отражения, между которыми, в свою очередь, существуют сложные генетические и актуальные отношения. Человек, в частности, может вызывать (и переживать) субъективные образы, относящиеся к каждому из них. Подробное обсуждение соответствующих деталей более уместно в контексте обсуждения актуального функционирования психики и ее становления в онтогенезе. Там же естественнее обсуждать и примыкающую проблему идеального — этого (с нашей, разумеется, точки зрения) исторически сложившегося артефакта психологического теоретизирования. Здесь заметим только, что как следствие сказанного, субъективное знание о мире представляет собой сложнейшим образом организованную сеть, объединяющую структуры разной психологической природы и генеза: конкретные знания о вещах, восходящие к онтогенетически ранним сенсомоторным структурам, перцептивные схемы (например, в значении

Пиаже); когнитивные схемы в значении Найссера; когнитивные парадигматологические схемы в значении Маруямы; мыслительные парадигмы в значении Куна и т.п.

Индивидуальные человеческие концепции мира принципиально сводимы, а потому и сводятся, в когерентное коллективное отображение (описание) фиксируемого в них мира реального путем специфических (в том числе научных) процедур. (Коллекция таких процедур и коллективное знание о мире соответствуют тому, что принято называть культурой.)

На низких уровнях эволюции вклад чужого ОМ в формирование данного ОМ минимален и не порождает индивидуальных различий. У человека, как известно, чужой опыт, опосредованных организуемой извне индивидуальной практической деятельностью, играет решающую роль в формировании индивидуального ОМ. Исключительная специфика человека в животном царстве состоит в том, что индивидуальная человеческая психика существует не только в историческом потоке сменяющих друг друга индивидуальных психик, и в атмосфере сообщающихся психик. В этом смысле можно говорить о человечестве как о бесконечном потоке сообщающихся сознаний.

3. Психика как функциональный (и субстантивированный) жизненный опыт представляет собой непрерывный процесс сначала развертывания, а затем перманентной перестройки целостного образа мира в процессе уникально складывающейся жизнедеятельности индивида. «Непосредственная чувственная картинка» (Леонтьев, 1979, с. 12) является частным продуктом и состоянием психики, порождаемые инерцией, движением образа мира. Все что воспринимает в настоящий момент индивид, он воспринимает благодаря функционированию психики в предшествовавший момент и, еще шире, в предшествовавший период времени. Текущее состояние задано инерцией целостной психической жизни. В любой (для внешнего наблюдателя или так понимаемой самим индивидом) *начатой сейчас* деятельности (тем более, познавательной) легко просматриваются решения, психические акты осуществившиеся, состоявшиеся в прошлом, и логически следствием которых (в плане психологической причинности) является данная деятельность (Найссер, 1981; Смирнов, 1981; Брушлинский, 1982).

Настоящее — это прошлое, накатывающееся на будущее, но настоящее — это также плоскость коррекции поглощения будущего прошлым. Эффективность коррекции и судьба корректируемого определяются многими факторами — в частности мощностью и инерционностью реализующегося психического отношения, на которое направлено воздействие, мощностью и степенью специфичности самого воздействия, структурной подготовленностью корректируемого отношения к принятию или отклонению воздействия и др.

Все, что занимает наше сознание сейчас, уже подготовлено и режиссировано психикой. Новое воспринимается вначале не более, чем как новое — и то только потому, что мы готовы: к восприятию новизны (наделены ориентировочными механизмами). Мы в состоянии включить новое в наши знания и наш опыт, только если это включение подготовлено историей нашего образа мира и его актуальным состоянием. Иными словами, не существует дискретного непосредственного знания, оно всегда предуготовлено и слито с психологической предысторией субъекта, в том числе и с различными формами его деятельности (но не исключительно с ними, ибо *действовать* субъект начинает, в естественном значении слова, существенно позже того, как он начинает *быть*).

Психика, таким образом, не дана человеку готовой и никогда не статична. Но возникает, растет и умирает она как тело, т.е. будучи воплощенной в теле и давая ему онтологический смысл — человеческое тело существует как самостоятельный объект (безразлично физический или

биологический) только потому, что оно психично. Смерть, будучи прекращением психического отражения, автоматически влечет за собой распад тела. Тело распадается, ибо оно утратило способность к противостоянию. (Подчеркнем: психика не вещь в вещи — все без исключения структуры, традиционно вычленяемые в живой субстанции, отражательны — различны лишь формы, уровни, масштабы и т.п. этой взаимосогласованной отражательности.)

4. Мы утверждаем, таким образом, что жизнь с необходимостью требует наличия психики как средства реализации и регуляции жизненной активности (принимаящей в ряде случаев форму целенаправленной деятельности).

В отличие от мозга, который в зависимости от уровня рассмотрения его организмических связей может быть представлен как анатомическая структура, как физиологическая структура или как психическая структура, психика, будучи крайней (снимающей в себе все подлежащие) описательной формой индивидуального существования, не может быть домыслена вне жизнедеятельности. Психика — это не только то, что работает (открытые перерабатывающие среду «контуры»), но и сама работа. Психика — это и регуляционный механизм, и регуляционные изменения, и осознание — там, где оно имеет место — регуляционных изменений, работы регуляционного механизма, изменения своих системных характеристик. Все это аспекты, разные способы концептуализации одной и той же субстанции — психики.

Мозг можно поместить в банку с формалином и он останется мозгом, разве что теперь как чистая анатомическая — дефизиологизированная, лишенная живых организмических связей структура — бездействующий мозг. Можно (теоретически) помыслить себе бездействующий мозг и не в формалине, а как-то иначе отделенным от сосудов и других нервных структур. Психика же только и существует, что в жизни, вне жизни (жизнедеятельности) нет психики — такова ее сущность. Психика — это работа, неотчужденная и принципиально неотчуждаемая от работающего. Напомним: «Всякий психический факт — это и кусок реальной действительности, и отражение действительности — не либо одно, либо другое, а и одно, и другое» (Рубинштейн, 1946, с. 5).

Применительно к человеку можно сказать и так: психика — это человек в контексте своей жизнедеятельности. — Мыслим ли воздушный шарик помимо распирающего его воздуха?

Аналогию с шариком легко усложнить: представим себе, что в шарике два отверстия — через одно воздух поступает, а через другое уходит (такая аналогия более, чем традиционна — вспомним хотя бы классическую схему «стимул—реакция»). Воздух в таком шарике все время разный, и он отчетливо иное, чем шарик, но шарик не мыслим помимо этого воздуха. Вместе с тем, совершенно очевидно, что шарик — это не исключительно резиновая оболочка шарика. Аналогия с шариком примитивна, но от нее легко перейти к представлению о психике, например в пределах мозга, как о дюжине миллиардов связанных друг с другом таких шариков (нервных клеток), в которые входит (и выходит) по трудно исчислимому количеству «трубочек» всегда новый «воздух». Действительно, в человека, помимо дискретно поступающих пищи и собственно воздуха (с частотой дыхания), непрерывно поступает сенсорный «воздух», в отсутствие которого очень скоро — как показывают опыты по сенсорной изоляции — человек (любой человек) перестает быть упругим и тешащим взор «шариком» и, если злоупотребить процедурой, надолго становится объектом забот соматической и психиатрической клиники.

Пример с шариком служит указанием на необходимость каких-то новых модельных и метафорических средств отображения психики, способных в частности помочь психологу преодолевать

катаплексические состояния, возникающие у него при размышлении о природе тех чувственных образов, в которых ему — как и любому другому человеку — открывается реальность.

Человек настолько обусловлен тем, что в собственном субъективном опыте ему открывается внеположный материальный мир в виде организованных в знаковые системы объектов, что и течение своего ОМ он воспринимает как нечто внеположное, еще одну знаковую библиотеку (подобную картинкам, книгами, кино, графическим изображениям и т.п.). Как следствие сугубо функциональной природы психики, человеку свойственно относиться к себе и к своим органам чувств, как к инструментам осознания внележащего, находящегося за рамками его телесного Я и противостоящего ему как целостному и завершенному субъекту такого осознания, материального мира. Поэтому ему трудно и обычно не нужно относиться к своим образам мира как к чему-то, в чем ему даны также его собственные материальность (объектность, вещьность) и структурность (системность).

Представление о психике, развернутое в этом разделе, имеет много общего с развиваемыми в школе С.Л. Рубинштейна (главным образом А.В. Брушлинским) взглядами на психику как непрерывное, недизъюнктивное отличие от прерывных, дизъюнктивных систем, примерами которых являются математическое множество, машина, автомат (см., например, (Брушлинский, 1982, с. 18 и далее)). Идея недизъюнктивности живого, психики, безусловно верна. Тем не менее, некоторая нюансировка этой идеи, видимо, необходима для увеличения ее объяснительного потенциала.

В известном смысле недизъюнктивны все объекты. Но у технической системы (компьютера или автомата, например, и вообще — у любого искусственного или неживого объекта) непостоянно состояние при неизменности состава, содержания (простейшие и очевидные примеры — тепловое колебание, диффузия и т.п.). А у живого объекта — в первую очередь непостоянно содержание. Оно постоянно истрачивается, и необходима постоянная транспортировка нового вещества к локальным синтезирующим устройствам. Жизнь, с этой точки зрения, — есть сопряжение умирания и поддержания жизни. Человек — как и любое живое существо — существует, непрерывно работая каждой клеточкой (и клеточной структурой) своего тела и, следовательно, непрерывно истрачивая, но и восстанавливая ее состав.

Живой объект — это *тотальное* непрерывно работающее устройство. Жизнь, существование — это работа, постоянная, согласованная активность всех единиц состава объекта по взаимообеспечению. Техническое устройство можно законсервировать. Человек может быть лишь в смертном покое. Законсервированный человек — это мертвая мумия. (Разумеется, возможны особые и малоизученные — следовательно, плохо концептуализированные — состояния живых и квазживых объектов, когда уровень интенсивности обмена в них понижается настолько, что жизнь в них становится как бы дремлющей).

5. Отношение психологического и физиологического — застарелая проблема в психологии. Приведем цитату из статьи Н.И. Непомнящей (1977, с. 42), которая представляет для нас интерес еще и потому, что в ней констатируется онтологическое несуществование психики, психического, в современной (видимо, российской/советской) психологии. «Внутри самой психологии не удастся найти субстанциональность, субстрат, структуру (в смысле онтологического существования такой структуры, а не только в операциональном смысле, как идеальную конструкцию исследователя). И их ищут за пределами психологии, прежде всего в физиологии. И сегодня еще очень устойчива точка зрения: субстрат психических процессов — физиологический».

В этом извлечении для нас особенно важна последняя фраза, ибо в ней зафиксирована непреходящая зачарованность психологов этим понятием — «физиологическое». То что психолога «ведомственно» передергивает от попыток сведения психологического к физиологическому, хорошо известно. Но любопытно было бы спросить психолога, что такое физиологическое (предупредив о некорректности ответов типа: это то, чем занимаются физиологи)? Кем и когда установлен барьер, разгородивший психологическое и физиологическое? Грубость физиологических притязаний должна быть понята и объяснена, но не должна делать психолога снобом и афизиологом.

Кто откажется согласиться с тем, что невозможно указать такую точку в человеке, где бы не протекал тот или иной физиологический процесс, точку, так или иначе не втянутую в целостное физиологическое функционирование? Следует ли отсюда, что у человека есть какое—то физиологическое предназначение, ради и в обеспечение которого возникли и осуществляются физиологические процессы? Предназначение, отличное от сформулированного выше общебиологического предназначения человека, разделяемого им с другими биологическими особями?

Однако, благодаря чему же оказывается человек в состоянии реализовать это общебиологическое предназначение? Благодаря способности воспринимать, отражать окружающий его мир в релевантных ему как представителю своего вида характеристиках и регулировать соответствующим образом свою жизнедеятельность. Как же назвать то, что стоит за этой двунаправленной (на мир и на себя) способностью? Это и есть психика. С этим утверждением, видимо, согласиться не трудно. Но где же она, психика? Вне человека? Это абсурдно. Внутри человека? Но где именно? Если психика — лишь часть человека, то значит, в некоторой части человека физиологические процессы выполняют чисто физиологическую функцию, и, следовательно, человек частично существует как чисто физиологическая структура, частично как смешанная физиолого—психологическая структура, а частично как чисто психологическая структура.

Иными словами, мы окажемся в этом случае в рамках какого—либо из вариантов теории психофизиологического параллелизма с ее основным парадоксом: наличием в человеке двух совместных, но разноцелевых субстанций.

Не помогает делу и представление психики в виде своего рода мостика между человеком и социумом. Не говоря уже о дискретной (при таком представлении) материальности пролета такого мостика и об отказе в психике всему несоциумному живому, мы все равно не избавляемся от необходимости указать специфически психологическую опору такого мостика внутри человека.

Итак возникает неравноправная и почему—то неразрешаемая ситуация: нет ничего в человеке, что бы не было физиологическим, но невозможно отыскать психику. Но разве не совершенно очевидно, что физиология есть средство обеспечения назначения психики, а не наоборот? А если это так, то психика столь же повсеместна в теле и жизни индивида, как и физиология. И более того, физиологическое — есть аспект и уровень психического, а не наоборот. А это значит, что субстанционально человек, его психика и его физиология тождественны, хотя все это и разные понятия. Причем «человек — психика» и «психика — физиология» суть принципиально разные отношения: человек — это лишь один из биологических видов, между тем как психика и физиология — атрибуты многих и многих эшелонов живого. Более того, структурное старшинство психики по отношению к физиологии заставляет постулировать и ее генетическое старшинство, т.е. постулировать существование прапсихических свойств на предфизиологической стадии развития органики.

Психика таким образом, не порождается физиологическим, в частности мозгом, и — тем более — не есть функция мозга. Она сама — есть мозг, хотя и не только мозг: она — весь человек во всей совокупности его адаптивных механизмов всех уровней. Работа мозга — лишь одно из проявлений психики.

Утверждаемое здесь само по себе не ново. Так еще в 1966 г. В.В. Орлов писал: «Изоморфность высшей нервной и психической деятельности создает иллюзию тождества психического и физиологического, с которой связаны большие методологические трудности, испытываемые психологами и физиологами. Только глубокое понимание общих диалектических закономерностей соотношения высшего и низшего, в частности их структурных соотношений, способно обеспечить успешное развитие психологии, помогая избежать как отрыва психического от физиологического, так и их отождествления. Высшая нервная, т.е. физиологическая, деятельность сложнейшего отдела центральной нервной системы выполняет относительно самостоятельные функции и в то же время служит специальной основой и механизмом психической деятельности. Поэтому появление высшей нервной деятельности не может быть объяснено всецело физиологически. Ключ к пониманию возникновения высшей нервной деятельности как специальной материальной основы психики дает психология (с. 110—111) ... Таким образом, соотношение психического и физиологического ... не [есть] связь свойства и соответствующего материального органа» (там же, с. 112). И еще: «Мозг — это материя, которая осуществляет психическую деятельность. *Поскольку мозг сформировался как орган психики* (выделено мною. — В.В.Л.), его важнейшие структурные особенности не могут быть поняты, только физиологически» (там же, с. 106).

Уместно отметить в этой связи принципиальную неопределенность понятия «мозг» — даже с точки зрения однозначного указания его анатомических границ в теле, физиологическое, или функциональное, определение — еще большая условность. Напомним также и следующие слова А.Н. Леонтьева: «Носитель разума не мозг, не отдельный орган, вырабатывающий духовную эманацию, а целиком человек с руками, ногами, деятельный как никто в мире» (цит. по: Тендряков, 1983, с. 269).

Пафос данного раздела состоит в призыве отказаться от вековой привычки видеть в человеке физиологическую систему, наделенную психикой. Человек, весь человек — вот, что такое психика, а физиологическое в нем, это лишь традиционный, обусловленный историей естественнонаучного освоения человека уровень и способ описания его жизнедеятельности.

Жизнь человека, действительно, описывается через жизнь его структур, ибо таков путь познания материальной, плотской сущности человека, но не такова сама сущность. Любопытно, что сама физиология (наука) неизменно, и особенно в последние десятилетия стремится выйти на системный, целостно—регуляционный уровень описания физиологического функционирования, т.е. стремится подняться до психики.

Итак, субстанционально индивидуальные психика и физиология тождественны, но это разные понятия — разные уровни, разные языки и контексты описания. Отождествить психологию с физиологией понятийно — означает поднять физиологию до психологии, там самым полностью ее переопределив. В этом случае все равно придется искать какой—то термин для обозначения того, что раньше называлось физиологическим — например говорить об автоматических уровнях функционирования (или может быть правильнее, о полуавтоматических — так как неподвластность произвольному контролю и воздействию со стороны сознания механизмов такого рода становится все

менее и менее очевидной (см., например: Хэссет, 1981).

Проблема различения психологического и физиологического, однако, значительно глубже. В филогенезе физиологические структуры детерминируются мутационными изменениями хромосомного аппарата, в то время как генез психических структур в популяции определяется динамикой экологического давления. В онтогенезе становление физиологических механизмов связано в первую очередь с саморазвитием генетических структур. В то время как характер оформления психических структур навязывается потоком внешних воздействий — по крайней мере, это так у высших животных и, безусловно, у человека.

Уместно отметить здесь, что в человеке как физиологическое, телесное (в большей степени), так и социумное (в меньшей степени) — в буквальном смысле на виду. Именно поэтому на эти две плоскости обычно и рассекают человека, из одного из этих двух корней и пытаются обычно целиком или в основном вывести его индивидуальные психологические проявления. Невидный генетический корень, как нечто самостоятельное, остается за рамами схем актуального психического функционирования индивида. ИмPLICITно он присутствует в них, однако, как правило, не в качестве «третьей одновременно действующей силы», а как далекий субстрат–транслятор–детерминатор, к которому — в зависимости от позиции — следует редуцировать психологическое, либо физиологическое, либо и то, и другое.

Прямые отождествления и редукции — безусловно некорректны. В случае развития психики мы имеем дело с перманентным порождением субстанции под действием разноприродных сил. Образно (и применительно к человеку) говоря, психика — это то, благодаря чему встречаются генетическое и социальное, а физиологическое — это то, где они встречаются. Сказанное, однако, не более, чем метафора. Подчеркнем еще раз: индивидуальный человек — есть воплощенная индивидуальная отражательная система, индивидуальная психика. (Слово «индивидуальная» здесь лишнее — психика всегда, по определению, индивидуальна.) Различение физиологического и психологического всегда условно и служебно. Физиологическое есть аспект и уровень психического, но не его часть; в свою очередь физиологическое есть модус актуального существования генетических, хромосомных структур. Резюмируя это рассуждение, скажем еще раз, что для того, чтобы физиология (наука) сумела заместить собой психологию, ей недостаточно усвоить идеологию и методологию последней, она еще должна стать и *физиологией индивидуального человека*.

Еще несколько замечаний в этом контексте представляются целесообразными. В психологической литературе психическое зачастую конституируется как *оппозиция* (пусть и допустимая лишь как теоретическая абстракция) физиологическому и (или) физическому. Физиологическое и физическое, однако, принадлежат двум принципиально разным рядам концептуализации сущего. Формы движения материи следует отличать от форм ее существования. Формы движения материи универсальны, но материя существует объективно, будучи воплощенной в те или иные (микро—макро) объекты.

Будучи стесняемой другими объектами, материя данного объекта перевоплощается — меняя содержание—структуру, вступая в «союз» (системно сочетаясь) с другими объектами и т.п. Как следствие таких перевоплощений, мы получаем возможность зафиксировать следующий объектный ряд: физические объекты — химические неорганические объекты — химические органические объекты — биологические объекты.

В этом ряду нет физиологических объектов, потому что физиологические объекты и не существуют. Физиологическое — это понятие, относящееся к одному из аспектов организации одного из классов вышеозначенного ряда — а именно к функциональному аспекту органной (по преимуществу) организации живых, биологических объектов.

Поэтому если мы будем осуществлять аналитическое движение внутрь и вглубь данного живого объекта от собственно психологической (= онтологической) плоскости раздела *этого* объекта от *не его* (т.е. от противостоящего ему — во всей совокупности его, данного объекта микро- и макросоставляющих — мира микро- и макрообъектов), то мы, действительно, на разных линиях этого движения встретим и физическое, и физиологическое. Физическое мы встретим где-то в конце континуума модусов материальности интересующего нас объекта, а физиологическое (наряду с анатомическим, гистологическим и цитологическим) — при движении по структурным уровням его организации. В обоих случаях псих(олог)ическое, будучи онтологическим понятием (относясь к вещи — психике), является отнюдь не оппозиционным, а иерархически старшим, крайним и завершающим, снимающим в себе физическое и физиологическое — и как понятия, и как сущности.

При этом от того, каков план псих(олог)ического существования данного объекта, т.е. от того, каким он представлен противостоящим ему объектам и как они представляются ему, зависит характер конституирования в нем физиологического и физического. «Познавательная проблема — пользуясь словами Г.Е. Журавлева (1983, с. 93), высказанными, правда, несколько в ином контексте — состоит не в том, чтобы увидеть физическое в бытии, а в том чтобы увидеть физическое через психическое и не потерять из виду последнее». (То же самое можно было бы сказать и в отношении физиологического.)

Надо оговорить также, что понятие «физиологическое» — тоже не самое определенное в арсенале естественных наук. Даже отношения физиологического с упомянутыми только что анатомическим, гистологическим и цитологическим требуют большей конкретизации. Возможно, что физиологическое следует определять и проще, и иначе. Может быть, это понятие следует закрепить за механизмом (или за «всей механикой») декодирования генетической программы развития данного живого объекта, или за целостным иерархически организованным функциональным механизмом его жизнедеятельности, или за специфическими аспектами ассимилирующего взаимодействия данного объекта с некоторыми (особыми) объектами-веществами, благодаря которому обеспечивается реконституция истрачиваемого в жизни тела, или др. Всякий раз понятие психики будет относиться к целостному объекту как обозначение его данности среди и вместе с другими объектами, а понятие физиологическое — к тому или иному аналитически усматриваемому аспекту его утверждения в качестве такового (физиологическое как экзистенциальный атрибут психики). С этой точки зрения, физиологическое — есть психическое, но для того чтобы было верным и обратное отношение, физиологическое — как уже говорилось — должно быть принципиально переопределено.

6. Человеческая психика не может быть помыслена вне человека. Каждый индивидуальный человек в той же мере, в какой он является носителем индивидуальных костей и индивидуального облика, индивидуальной кожи, сразу же за которой начинается «не он», является носителем уникальной и неповторимой смертной психики (со смертью человека кончается и его психика). Коллективный разум, коллективное бессознательное, коллективная психика — все это не более, чем историко-психологические метафоры, указывающие на наиндивидуальную природу человеческого гносиса.

Итак, мы утверждаем, что вне человека нет психики, но мы утверждаем также, что в человеке и

нет ничего кроме психики. Что же — кожа тоже психика? Да — можно отшутиться — кожа это обивка психики. Но можно и ответить всерьез, напомнив, что кожа — это глубоко индивидуальная и интимно связанная с целостным организмом «обивка»: рисунок ее строго индивидуален и не меняется с возрастом, клетки наружного слоя кожи обновляются каждые 20 суток — так интенсивно участвует кожа в «организации» встречи с внешним. Кожа не только и не просто защищает организм от внешних воздействий; кожа — это еще и огромный и филогенетически древнейший орган чувств. Кроме того, кожа участвует в обмене веществ, выделении, терморегуляции. Можно напомнить, что кожа имеет общее с нервной системой эктодермальное происхождение, что она есть место приложения различных психосоматических терапий — от акупунктуры до рефлексотерапии. И многое другое.

Что — и кости психика? Да — можно отшутиться и на это — кости это упаковочный ящик психики. Но можно и сказать, что кости — такие, какими они видятся в этом вопросе — существуют только в школьном анатомическом кабинете. В живом теле они образуют единую опорную структуру, не мыслимую в качестве таковой без хрящей, связок, мышц и т.п. Причем все это в живом теле — пронизано физиологически высоко динамичной системой кровеносных сосудов. Не говоря уже о системе иннервации, о том, что кости к тому же — вместилища ряда физиологических систем, не имеющих ничего общего с опорными функциями. Не говоря о том, что кости растут в организме и стареют с ним, адаптируясь к его целостным состояниям.

Иными словами, игра в вопросы и ответы может продолжаться до тех пор, пока мы не осознаем, что и кожа, и кости, и любая другая анатомическая или физиологическая структура существуют в едином и для единого — в живом человеке и для обеспечения его жизни в том модусе, в котором он состоялся за миллионы и миллионы лет эволюции.

У А.В. Брушлинского есть очень верное по сути замечание о том, что «нельзя онтологически отделить в головном мозгу (добавим от себя: и где угодно в теле. —В.В.Л.) психическое от физиологического, физиологическое от биохимического и т.д. (Брушлинский, 1982, с. 24). Разумеется, онтологически различаются между собой вещи, но не компоненты внутри самих вещей. Онтологичность — это не просто материальность, субстанциональность, это — вещьность, овеществленная материальность, субстанция, принявшая форму вещей. С этой точки зрения, в целом живом организме путем гносеологической операции невозможно отделить от тела даже раскачавшийся зуб. Зуб, однако, легко онтологизировать с помощью простейшей хирургической операции; но отпрепарировать психологическое от физиологического, действительно, нельзя! — даже в живом (умирающем, квазживом) препарате они совместны.

7. В настоящем тексте чужие взгляды излагаются эпизодически и подчиненно — в качестве своего рода архитектурных компонентов строящегося рассуждения. Тем более не предполагается в нем полемика с этими взглядами. Только по завершении рассуждения, когда выстроенная целостная картина бытийного статуса психики обретет достаточную объяснительную силу, полемика и переключки с чужими взглядами будут уместными, корректными и эффективными. (Хотя, разумеется, знание того, что это предстоит, побуждает осуществлять исподволь подготовку грядущих аргументов.) Одно исключение, однако, необходимо сделать.

Дело в том, что об онтологичности психического в отечественной психологии во весь голос заговорил в «Бытии и сознании» С.Л. Рубинштейн (1957). Вот характерная цитата: «Взаимодействие индивида с миром, его жизнь, ... практика — такова реальная материальная основа, в рамках которой

раскрывается познавательное отношение субъекта к объективной реальности» (с. 7). Онтологичность психического Рубинштейн утверждал в противовес бытовавшему мнению о «прозрачности» психики, об отсутствии у нее какой-либо специфической природы, вообще какого-либо онтологического статуса (см. Брушлинский, 1982, с. 8). Вот почему так важен был для Рубинштейна акцент на наличии у психики материальной — «онтологической» основы: «... всякое внешнее воздействие реализуется через посредство внутренних, собственных свойств того явления, на которое оно оказывается, так что вызываемый им эффект является, собственно, продуктом взаимодействия. Внутренние, собственные свойства явления определяют тот круг воздействий, который ему адекватен (наподобие того, как свойства рецепторного аппарата выделяют определенный круг раздражителей, адекватный данному рецептору). В соответствии с этим во всеобщей взаимосвязи явлений мира выделяются особые специфические сферы взаимодействия. Решая свой основной — самый простой и вместе с тем самый фундаментальный — старый сократовский вопрос «что это есть?», подхваченный и углубленный Аристотелем, научное мышление выделяет именно эти внутренние, собственные свойства явления... Существенные свойства явления в таком чистом виде — это и есть реальное научное ядро того, что в философии было обозначено как «сущность»... эти внутренние условия, выступающие как основание всех «реакций» данного явления (тела и т.д.) на внешние воздействия, всех его изменений при взаимодействии с другими явлениями (телами и т.д.), и есть его «сущность» в ее научном выражении. «Сущность» — это внутреннее основание, через которое преломляются все внешние воздействия на явление и которым закономерно обусловлен их эффект... Явление — это понятие «онтологическое». Подлинное учение о понимаемых таким образом явлениях, неотделимое от учения о сущности как существенном в них, это «онтология» (Рубинштейн, 1957, с. 129—132).

И из первой цитаты, и из последующего видно, что онтологическое означает для Рубинштейна материальное, вещественное, но не вещь. Поэтому термин «психика» употребляется им синонимично, взаимозаменяемо с терминами «психическое», «психические явления», «психическая деятельность» и т.п. Поэтому же в непривычно обстоятельном для нашей психологической литературы предметном указателе к цитируемой книге (вышедшей в свет при жизни автора) нет термина «психика», но есть «психическое» в разных сочетаниях.

Поэтому же в школе Рубинштейна, где онтологичность психики берется за исходное, определения психики являются незавершенными и, фактически, дезонтологизирующими (гносеологизирующими) ее. Так, по А.В. Брушлинскому, критерием начала психического=психики является способ детерминации. Чего? — видимо, «живого процесса», «формирования организма». По Брушлинскому, в самом начале организм этот (животного ли, человека ли) есть нечто анатомо-физиологическое, но еще не психическое: «На первых стадиях эмбриогенеза анатомические и физиологические свойства формирующегося организма развиваются относительно спонтанно... В момент своего возникновения физиологическое детерминируется лишь... наследственными факторами...» (Брушлинский, 1982, с. 25). Психика появляется только тогда, когда генетическая детерминация (физиологического существования?) дополняется внешней (со стороны внешнего мира) детерминацией — существует, иными словами, такой момент когда физиологическое опсихичивается (когда это происходит и как — сразу, во всем объеме, или постепенно? — не оговаривается). — Достаточно договориться о том, что считать «внешним миром» по отношению к данному развивающемуся организму (или что считать первым импульсом этого внешнего мира) и можно

приступать к отсчету возраста новоявленной психики.

Такая позиция чревата парадоксами, на которые мы уже указывали выше, возникающими именно при необходимости указания «онтологических» (в значении Рубинштейна-Брушлинского, т.е. материальных) субстрата и механизма этого опсихичивания (и не возникающими, разумеется, при определении психики гносеологическим путем, т.е. путем «ученого декрета»). Еще один парадокс: как отмечает Брушлинский (там же), для опсихичивания нужна «более сложная основа» (чего? — видимо, и в этом случае, — физиологического существования), а именно та, которой соответствуют «конец пренатального и (или) начало постнатального периодов» (там же). Но вот родился и выхаживается врачами очень недоношенный ребенок — что же, откажем ему до поры, до времени в наличии у него психики?

По Брушлинскому, таким образом, недизъюнктивное психическое существует дизъюнктивно — сначала (и долго) его нет, хотя есть уже все это время что-то у плода, что в «конце пренатального и (или) в начале постнатального периодов» опсихичивается внешним миром. Однако если в случае Святого Духа можно не задаваться вопросом, чем и как одухотворяет он плоть, то здесь вопрос неизбежен и критичен: что же это за специфический импульс, приходящий из внешнего мира «в конце пренатального и (или) ...» и то ли привносящий психику в плод, то ли побуждающий что-то в плоде стать («онтологически») психическим? Декретность психики, иными словами, делает ее дискретной и, тем самым, дискредитирует глубоко и сущностно верную, повторим еще раз, идею недизъюнктивности психического.

Сформулированный вопрос не возник бы, если бы психика была определена как отношение одного (данного) объекта с другим или со многими другими. Ответ тогда был бы прост: организму были явлены объекты, по отношению к которым он занял позицию субъекта, появились — иначе говоря — первые субъект-объектные отношения, появилась — следовательно — и стала расти психика. Но у Брушлинского психика — есть качество! Можно и в этом случае найти выход из положения. — Да, психика — качество, и это качество проявляется в способности формировать, устанавливать названные отношения. В этом случае, разумеется, психика есть функция, качество целого объекта. И это качество реализовалось, как только возникла соответствующая ситуация.

Логически такой подход допустим. Он только должен быть дополнен точным указанием тех объектов (в их субъектной, гносеологической данности), с воздействия которых мы будем отсчитывать психику, и тех внутренних структур-мишеней, которые опсихичиваются этими воздействиями. Поскольку это не сделано, мы ограничимся замечанием, что именно при удовлетворении этого требования и вскрыются содержательные изъяны рассмотренного подхода. Убедительно продемонстрировать это можно, однако, только в контексте подробного анализа онтогенетического становления психики — там будет более уместным и продолжение полемики.

8. В предыдущем параграфе мы фактически подошли к необходимости более четко отличить развиваемое в данной работе представление о психике как вещи от представлений о психике как отношении и психике как качестве.

Онтологически отношение двух или более объектов может, видимо, существовать лишь как их взаимодействие, взаимовлияние. Это значит, что онтологически отношение — есть равнопринадлежность как минимум двух объектов. Здравый смысл подсказывает, что в реальности отношение, ограниченное двумя объектами, может быть только гносеологической абстракцией. Только в

случае каких-то сверхслабых воздействий межобъектное отношение возможно ограничить мыслимым конечным множеством объектов. Если даже функционирование психики осуществляется на уровне таких сверхслабых взаимодействий (не будем пока задумываться о их природе), то это означает, что психика — есть не привязанное ни к какому конкретному объекту поле межобъектных связей. Нельзя сказать «моя психика» или «ваша психика». Психика это что-то, куда погружены и Вы, и Я. Но если психические воздействия не так слабы, а человек, например, прозревает (отражает) целый космос — и вширь, и вглубь, и вверх, то эта обезличенная психика тяготеет уже в таком случае к отождествлению неизбежно, ибо онтологически отношение включает в себя соотносящиеся объекты. Индивидуальную психику можно сохранить только при условии ее объектоцентричности. Разумеется, мы тем самым обязываем себя показать, как получают объекты вообще и как получают психические объекты в частности.

Настаивая на том, что психика — вещь, а не отношение, мы утверждаем, что психика — это, в первую очередь, не отражение, не отражаемое, а отражающее. Разумеется при этом, что отражающий объект возникает в связи с необходимостью отражения, а отражение возможно лишь по поводу отражаемого. Диалектическая неразрывность курицы и яйца не означает, что курица есть яйцо и наоборот.

Диалектическая неразрывность триады «отражаемое – отражение – отражающее» не означает, что гносеологическое триединство не допускает онтологического разрыва объединяемых этой формулой сущностей. Но и в этом случае мы снова упираемся в необходимость указания правил порождения объектов. Ниже этому вопросу будет посвящен специальный раздел. Здесь заметим только, что в материалистической философии онтологическое генетически старше гносеологических, ибо в ней постулируется, что эволюция онтологического мира, мира вещей, приводит в некоторый момент к появлению гносеологизирующих объектов — т.е. объектов, способных сначала к усмотрению, а затем к осознанию, постижению и систематизации объектов и их свойств. Гносеологически Вселенная втягивается познающим ее человеком, ибо онтологически Вселенная не безразлична существованию человека, человек же онтологически пока еще безразличен космосу.

Спор с представлением о психике как о качестве — труднее, ибо это представление плохо сформулировано и плохо аргументировано. По сути дела, оно и есть один из вариантов того видения— постулата, о необходимости преодоления которого говорилось в начале этой работы. Вот характерный пример: «Психика — это всегда связь индивида с миром: высший уровень отражения действительности и потому высший тип регуляции всей жизни человека (и животного)» {Брушлинский, 1982, с. 32}. В этом определении психика, по преимуществу, все-таки не отношение, а какая-то оболочка, колпачок, шапка—невидимка на том, что Брушлинский применительно к психическому называет субъектом; то есть психика — и не отношение, и не весь субъект, а нечто в субъекте, благодаря чему он отражательно и регулятивно связывается с миром.

9. Психика вещественна. И ее можно потрогать. Трогая себя, вы трогаете собственную психику — прямо и непосредственно. Потрогать, однако, не значит понять и не значит определить. В этом смысле психика ничем не отличается от любой другой, даже минимально сложно устроенной вещи. А палец, совершенно очевидно, неадекватное средство для изучения психики. Палец как часть, как один из инструментов психики, создавался не для постижения ее же, а для постижения того, что ей противостоит — мира других объектов. Иными словами, палец есть не средство самопостижения, а средство миропостижения.

Будучи орудийно–исследовательским органом психики, палец, однако, может принимать участие в оценке, исследовании функциональных возможностей других подобных органов собственной психики. Палец, однако, не слишком специфичен в этом отношении. В организме, как известно, существует огромное количество высоко специализированных систем оценки и регулирования его функционального состояния).

Необходимость самопостижения — в точном значении этого слова — вообще возникает только на очень высоких уровнях культуры (причем не каждой) и применительно к узкому кругу ситуаций. Более обычной формой самопостижения является формирование в себе системы потребностей, достаточно согласованных между собой и с возможностями их реального обеспечения. Успехи в самопостижении поэтому нередко связываются с обузданием или ограничением собственной потребностной сферы. Умение оперировать с мотивами не предполагает, однако, знания глубинных механизмов порождения потребностей, их отбора, реализации и т.п., тем более не предполагает знания работы этих механизмов. Иными словами, чтобы «хорошо» жить, надо уметь действовать, т.е. уметь ориентироваться в мире объектов, а не в собственной системе жизнедеятельности.

С этим связано, видимо, что именно аспекты работы психики, связанные с деятельностным обеспечением потребностных состояний, главным образом становились объектом исследований в психологии. Такие аспекты, помимо всего прочего, легче допускали объективирование и формализацию. Иное в психике объявлялось (временно) непознаваемым («черный ящик»), либо просто списывалось как физиологическое или иррелевантное.

10. Важно еще раз подчеркнуть, что психика это есть (саморазвивающийся образ мира, а не те или иные теоретически выделяемые частные механизмы согласованного существования индивида в мире и социуме (в том числе классические психические процессы, о которых говорил П.Я. Гальперин). Мы говорим «само-» лишь в том смысле, что процесс развертывания и доводки психики до «взрослого» состояния очень во многом определяется рано формирующимися механизмами отображения собственного опыта в значениях — психических формациях, трудно доступных для объективизации и коррекции извне. (Может быть, конечно, только до тех пор, пока эти механизмы не будут лучше изучены). Строго говоря, развитие индивидуальной психики никогда не бывает саморазвитием, ибо уже пра-психика данного индивида, выступающая в виде регуляционной активности плода, формируется с самого начала в интенсивной материнской среде и еще раньше — на стадии оплодотворенного яйца — в интенсивной материнско-отцовской среде.

11. «Общее и принципиальное решение [проблемы связи психики и мозга] дано марксистско-ленинской философией и выражается формулой: психика есть свойство (функция, продукт) высокоорганизованной материи — мозга» (Орлов, 1966, с. 103). Формула эта возникла, однако, не как завершение специального анализа генеза психического и физиологического, а как материалистический антитезис, противопоставленный в полемике с идеалистической философией утверждениям о нематериальной природе души (психики). Так знаменитые и часто цитируемые слова Энгельса: «Если далее поставить вопрос, что же такое мышление и сознание, откуда они берутся, то мы увидим, что они — продукт природы, развившийся в определенной среде и вместе с ней» (М—Э, т. 20, с. 34) — были произнесены как тезис в противовес «нежеланию» Дюринга «называть мышление «человеческим» и вынужденному поэтому оторвать его от единственной реальной основы, на которой мы его находим, т.е. от человека и природы» (там же, с. 35), в противовес представлениям, на которых «невозможно

построить никакого материалистического учения» (там же). Иными словами, у Энгельса это формула выступила в качестве антитезиса неприемлемой для него как последовательно материалиста идее об онтологической противопоставленности и несводимости души (психики) и тела.

В работе, специально посвященной анализу философских позиций В.И. Ленина в отношении проблемы общественно—исторической детерминации психического, М.Г. Ярошевский (1974) подобным образом отмечает, что разделявшееся Лениным «общее философское учение о психике как функции мозга» (с. 9) противостояло попыткам «представить мозг как "апсихический" аппарат, а реальное порождение этого мозга — чувственные и умственные образы, — не существующие нигде кроме как в его веществе, подставить на место вещей, отражением которых они являются. "Апсихичность" мозга оборачивалась [у сторонников этих взглядов, именно — у махистов] "апсихичностью" внешнего мира» (с. 10). Действительно, когда Ленин говорит, что «психическое, сознание и т.д. есть высший продукт материи (т.е. физического), есть функция того особенно сложного куска материи, который называется мозгом человека» (Ленин. Собран, соч. Изд. 4, с. 215), он говорит об этом, как о важнейшем «моменте» картины мира, действительно соответствующей естествознанию и материализму» (там же), говорит, полемизируя с представлением о том, что «под явления психические ничего подставлять не требуется, ибо это — непосредственные комплексы» (там же), полемизируя с тезисом о возможности «психического до физического» (там же, с. 14).

Иными словами, центральный акцент приведенной выше формулы состоит в ее глубоком материалистическом пафосе, а не в учреждении конкретных структурно—онтологических отношений. Поэтому прав, безусловно, Орлов, заключая: «из того, что «психика есть свойство мозга» не следует, что «психика есть свойство физиологических процессов» (1966, с. 107 — аргументация Орлова частично представлена выше).

В статье Ярошевского затронута еще одна, крайне важная для понимания трактовки психического в марксистской литературе тема: «... в домарковом материализме психическое рассматривалось как продукт взаимодействия материальных тел... материалистическая психологическая мысль /проделала путь/ от механического объяснения (Спиноза) к биологическому (Дарвин), затем к биопсихическому (Сеченов) и наконец к общественно—историческому (Маркс)» (с. 11). Здесь необходимо сделать, однако, одно уточнение: утверждение общественно—исторического объяснения не означает того, что в послемарковом материализме психика перестала быть продуктом взаимодействия материальных тел — отличие в другом — а именно в том, что в послемарковом материализме изменилось представление о номенклатуре и иерархической организации материальных тел, которые взаимодействуя творят психику, и изменилось представление о самом характере взаимодействия — на смену представлению о прямых механических контактах пришло знание сложных механизмов опосредствования.

И еще одно обстоятельство необходимо отметить. В зафиксированном Ярошевским движении произошло дробление объекта, и Марксово общественно-историческое объяснение относится уже не к генезису психики как онтологического объекта, а (воспользуемся словами Ярошевского) к «детерминации сознания и воли людей, их целей, идей и намерений» (там же). Между тем, психика как общебиологический феномен не тождественна, совершенно очевидно, человеческой психике и не тождественна, тем более, человеку в ракурсе его общественно-экономической деятельности.

Маркс и Энгельс, действительно, «расчищали путь к детерминистическому сознанию индивида в

его подлинных жизненных отношениях, которые и определяют содержание, планы и структуру его психической деятельности». Действительно, «теория отражения, на которую опирался и которую развивал В.И. Ленин, полагая, что за исходное должна быть взята... реальность, каковой она существует сама по себе (в том числе реальность социальных и психических процессов), позволяла разрушать гносеологическую софистику, выйти на простор действительных связей личности с историческим миром, а тем самым и к познанию ее внутренних богатств, которые ниоткуда, кроме этого мира, почерпнуть быть не могут» (там же, с. 14). Все это не означает, однако, что марксистская психология, обретая ясность методологического видения общественного бытия человека, должна замкнуть изучение психики на изучение психики человека, а изучение последней ограничить изучением общественно-исторических обстоятельств формирования личности.

Совсем недавно Б.М. Кедров напомнил один «замечательный прогноз Маркса», которым уместно заключить этот параграф. «Сама история является *действительной* частью *истории природы*, становления природы человеком. Впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет *одна наука*»¹. И еще одна цитата: «Продолжение дела Гегеля и Маркса должно состоять в диалектической обработке истории человеческой мысли, науки и техники»².

12. До сих пор о психике говорилось преимущественно в синхронном и предметном плане. Иными словами, автор говорил о психике на уровне онтологически конечных вещей, как о сущем среди сущих, т.е. отвлекаясь от бывших, онтологически несуществующих, психик во всем многообразии их типов и индивидуальных форм. Реконструкция последних составляет задачу особой психологической дисциплины — палеопсихологии, должной стать частью широко понимаемой палеонтологии (и кооперантом таких, в частности, дисциплин как палеоантропология, палеозоология, палеогеография и др.).

На протяжении первого раздела автор пытался помочь читателю *увидеть* психику так, как видит (почти в буквальном смысле слова) ее он сам. Очевидно, однако, что *убедить* читателя в том, что психика занимает в мире вещей именно то место, которое ей отводит автор, можно только сумев продемонстрировать ему объектно-генетические основания психики. Сумев показать, в процессе какой объектной дифференцировки, на каком уровне и какого именно объектогенеза возникает психика, т.е. сумев показать ту систему онтологических категорий и ту систему соответствующих им естественнонаучных сущностей, диалектическое и, соответственно, эволюционное разворачивание которых делает возможным вычленение на одном из уровней этого процесса психики как онтологической единицы.

В этой связи уместно заметить, что при таком подходе произвольное определение психики допустимо, но при этом *обязательно* определение (задание) того эволюционного онтологического континуума, внутри которого произвольно указывается тот рубеж, начиная с которого считается правомерным говорить о психике. Можно назвать психику атрибутом человека, можно — атрибутом животного, можно — атрибутом живого. Но при любом определении мы должны сказать, *что* — еще не есть психика. Иными словами, всякий раз мы должны показать, новым качественным состоянием чего оказывается психика. Это так, если мы онтологизируем психику. Но даже если психика просто термин, условная рабочая гносеологическая конструкция, мы все равно обязаны указать соответствующую

¹ Маркс. Экономико-философские рукописи 1844 года. Цит. по: Б.Кедров. Маркс и наука. Правда 7 апреля 1983 г.

² Ленин. Поли. собр. соч. Т. 29, с. 131 (Философские тетради).

область терминологии и его критерии¹.

Любопытно указать в этом контексте на одно лежащее на поверхности, но не сразу бросающееся в глаза обстоятельство. Поразительное *своеобразие* каждого индивидуально человека связано именно с тем, что за каждым таким человеком (как, впрочем, и за любым другим живым, живущим сейчас, объектом) стоит колоссальная история его (именно его, этого человека) генезиса, эволюционного восхождения от какой-то праформы живого. Стоит теряющаяся в миллиардах лет непрерывная цепь индивидуализирующих эволюционных трансформаций. Психологический род, или ряд, каждого читающего эти строчки старше, скажем, чем Кавказские горы и, безусловно, древнее, чем Эверест. И Кавказские горы, и Эверест — относительно молодые продукты относительно медленных процессов геогенеза, губительных эксцессов которых (в виде тектонических потрясений, вулканизмов, столкновений с космическими объектами и т.п.) удалось избежать пра-предкам живущих сегодня.

Действительно, в древнейших доступных для анализа горных породах, возраст которых превышает 3—3,5 миллиарда лет (ранний докембрий) обнаруживаются следы микроископаемых — бактерий, сравнимых по сложности своего метаболизма с современными бактериями. Иными словами, уже более 3,5 миллиарда лет назад на земле существовали высокоразвитые системы обмена веществ. Это означает, что соответствующие комплексы ферментов должны были появиться еще раньше и в относительно короткий период времени (напомним, что возраст земли составляет 5 млрд. лет, т.е. со времени образования первичной земли до появления сложных живых организмов прошло не более 1,5 млрд. лет). Необходимость постулирования столь быстрого темпа химической эволюции вызвала к жизни альтернативную идею (Robertson, 1966), в соответствии с которой живые системы (т.е. наши предтечи) появились вместе с веществом, из которого образовалась наша земля, и жизнь (т.е. все мы) является ровесником всего вещества Вселенной. Напомним также, что в Вселенной в целом, это говорит о том, что в вселенском масштабе Солнце — достаточно «пожилая» звезда.

Даже если отнестись к идее Робертсона как к теоретической крайности, нельзя не признать, что Солнце, черные дыры, белые и красные карлики, наша Земля — это все космические объекты практически одного поколения, но имеющие разную судьбу. Действительно: возраст Вселенной (исчисляемый от момента «большого взрыва» по одним теоретическим представлениям или от момента минимального размера Метагалактики — по другим) — 10 миллиардов лет; возраст солнечной системы и, в том числе, Земли — 5 миллиардов лет; возраст жизни на Земле — (не менее) 3,5 миллиарда лет. Все это величины одного порядка). В свете этого факта особенно важно помнить, что земная жизнь появилась на очень ранней стадии геогенеза и, следовательно, на очень ранней стадии космического объектогенеза. А следовательно и на основе какого-то очень раннего и достаточно универсального свойства материи. Какого же? Об этом мы будем говорить ниже. Здесь же ограничимся указанием на необходимость преодоления взгляда на жизнь и психику как на молодые, поздние продукты космогенеза. Именно крайне раннему началу эволюционного творчества мы обязаны столь поразительным многообразием форм живого и сред обитания.

Итак, вводный тезис данного раздела может быть сформулирован следующим образом: для того чтобы строго ввести психику в теорию психологии как онтологическую единицу, необходимо

¹ Таковы требования, возникающие в связи с выдвиганием в фокус психологии психики, но эти же требования должны быть удовлетворены при выдвигании на эту роль любого другого понятия или объекта — будь то деятельность, личность, общение или др.

продемонстрировать сущность психики как особого модуса одной из онтологических категорий и, тем самым, подтвердить ее право быть объектом (вещью, онтологическим). Все это — грандиозная задача! Действительно, утверждая онтологичность психики, мы с необходимостью обязуемся показать онтологический процесс ее развертывания во встречах с онтологическими же сущностями и обстоятельствами. Но сделать это можно только с высот гносеологического познания онтогенеза сущего и, в частности, генеза онтологической системы психического. Это теоретическое движение, в свою очередь, невозможно без последовательного философского осмысления. Философия дисциплинирует — в прямом и переносном смысле — гносеологию посредством онтологизации и категоризации знаний, продуцируемых в различных подразделениях гносеологической практики.

Физика изначально исследует не материю как таковую, а определенный континуум (или континуумы) материальных объектов с их свойствами. Это же справедливо и в отношении современной физики микромира, ищущей за явлениями элементарные объекты—частицы. Точно также и химию интересует своя, примыкающая к физической, часть этого единого сплетения континуумов материальных объектов. То же самое можно сказать и о биологии и о психологии. Это значит, что между названными дисциплинами нет отношения включения, соподчиненности — как принято думать, а только отношение со—релевантности, взаимопроникновения.

Науки формируются не по поводу вещества, а по поводу объектов и их свойств. Мыслительную раму наукам задает философия, для этого она сама осмысливает сущее в его крайних характеристиках, опираясь на практический (в том числе научный) опыт овладения сущим. Разведение онтологического и гносеологического в своем субстрате — одна из непреходящих задач философии (философский субстрат включает в себя и совокупный натуральный субстрат, перерабатываемый частными науками). Онтологизируя, вычлняя в сущем новые объекты, философия указывает на возможность организации вокруг них научной дисциплины, и, вместе с тем и тем самым, указывает корректные гносеологические приемы научной (практической и теоретической) работы с этими объектами. По поводу этих объектов сразу же формируется и методология как сумма правил проверки философскими категориями концептуализации возникающего (в этой новой дисциплине) эмпирического материала, т.е. правил проверки возникающей теории объекта. Методология — есть правила гносеологических переходов от философских категорий к предметно осмысливаемой эмпирической реальности изучаемого объекта и наоборот. В первом направлении методология есть аппарат проверки и частного общим (философия частного), во втором — она аппарат утверждения общего частным.)

13. Итак, перед психологией — грандиозная задача. И не сегодня она поставлена. С пониманием обязательности такого рода схематизации связана вся традиция философской психологии. Из наших современников наиболее глубоко осуществлял философскую проработку этой проблематики С.Л. Рубинштейн¹. И все-таки эта работа только начинается. Психология пока еще на стадии постановки

¹ Он писал, в частности: «Как основная задача философии (онтологии) выступает задача раскрытия субъектов различных форм, способов существования, различных форм движения. Это есть задача раскрытия многоплановости бытия в зависимости от конкретной системы внутренних связей и отношений, в которых оно выступает в каждом конкретном случае» (*Рубинштейн, 1973, с. 275*).

Анализ разрабатывавшейся С.Л. Рубинштейном категориальной системы онтологического как основы философски корректного введения предмета психологии, важен и сам по себе, и с точки зрения реконструкции сложного, но, тем не менее, центростремительного процесса постижения сущности психики в

своих философских проблем. И это — как не трудно догадаться — прямо связано со слабостями в теоретическом и практическом освоении своего предмета. Совершенно справедливо отмечает Б.Ф. Ломов: «Что касается психологии, то система ее категорий и взаимоотношения между ними определяются в конце концов тем, в какой мере они раскрывают основной предмет психологического исследования: психику» (Ломов, 1979, с. 47). В этой же работе Ломов отмечает и то, что «единственным надежным путем решения [важнейших задач психологической теории] является применение в психологии марксистской методологии и, в частности, системного подхода» (там же, с. 34).

Действительно, системный подход в последние годы, все более утверждается в теоретической психологии¹. Тем не менее, как показал упоминавшийся выше межведомственный семинар Общества психологов, среди психологов все еще распространены неверные интерпретации его сущности. Так системный подход представляется подчас чем-то вроде требования целостного отображения исследуемого объекта, т.е. своего рода антиподом поэлементного или функционального подходов. Системный подход в этом случае превращается в категорию описания *объекта*, обеспечивающую его структурное представление².

Между тем, системный подход — это, прежде всего, философское и методологическое требование выхода за *объект* в процессе его изучения. Системный подход не есть описательная категория, относящаяся к частным онтологическим объектам или к их частностям. Суть системного подхода сводится не к дроблению целого на части, а к умению видеть вне этого целого его детерминанты. Системный подход — это не знакомый каждому ученому анализ интересующего его объекта, это нахождение за объектом природы и смысла его существования.

Основу системного подхода составляет определенная гносеологическая картина объектогенеза — а именно представление о дифференцировке объектного мира как о процессе порождения новых и онтологически более высокого уровня объектов в результате встречи и взаимодействия объектов более низкого уровня. Поэтому системный подход не есть в первую очередь требование категориального плюрализма, хотя он и предполагает с неизбежностью использование многих категорий, сводимых в гносеологическую систему по мере проникновения в системную (в указанном смысле) природу объекта, находящего в фокусе исследования. (Напомним, что гносеология есть плоскость встречи стремящихся друг к другу форм познания мира человеком — философского и эмпирического.) Естественным следствием системного подхода является полная неприемлемость для него статических схем описания.

14. Возвращаясь к интересующей нас теме, попытаемся определить, придерживаясь основных требований системного подхода, в рамках какой онтологической схемы правомерно вообще говорить о психике. Такой схемой, с нашей точки зрения, является схема космогенеза. Космогенез явится для нашего рассуждения наиболее фундаментальным понятием. Определим его как процесс развертывания

советской психологии, процесса, центральными фигурами в котором были также В.А.Вагнер, А.Н.Северцев, Л.С.Выготский и Д.Н.Узнадзе, Б.М.Теплое и А.А.Смирнов, Б.Г.Ананьев, А.Н.Леонтьев, А.Р.Лурия и многие другие.

¹ См. Ломов, 1975; Кузьмин, 1976, 1982.

² Подобное понимание проявилось, в частности, в основном докладе, представленном участникам семинара (см. выше), и в выступлениях на семинаре его авторов — В.В. Давыдова и Н.Ф. Талызиной. (См. также: Тихомиров, 1983).

во времени вселенского материала во всем многообразии объектно-полевых отношений. Космос (Вселенная) будет для нас наибольшей (всеобъемлющей) данностью, в рамках которой возможно и следует упорядочить и выстроить философски и естественнонаучно непротиворечивую систему психологических представлений. Космос как конечный (супер)объект можно структурно определить как конкретную динамическую расстановку продуктов космогенеза (единичных космических объектов, обуславливаемую общекосмическими (полевыми) и межобъектными (системными) отношениями. Следующая диада понятий — это объект и объектогенез. Определим объект как сгущение предобъектного вещества в некотором объеме до такого уровня, что между единицами сгущения устанавливаются системные отношения.

Сгущение вещества происходит в силу неоднородности космоса и нестационарности космогенетических процессов. Но элементы вещества, будучи сгущенными, образуют систему в силу имманентной способности к взаимодействию. Способность вещества к взаимодействию в определенных условиях назовем активностью.

Активность — это то, что требует специального объяснения; это имманентное свойство материи: материя перманентно в движении и трансформации. Характер движения и трансформации непосредственно задан объектными ограничениями, т.е. теми ограничениями на движение и трансформацию материи объекта, которые определяются ее включенностью в этот объект. Предобъектное состояние материи не означает внеобъектности — вещество, как правило, пребывает в составе того или иного объекта, трансформирующегося рано или поздно под действием надобъектных сил.

Объектогенез — как процесс специфической дифференцировки космического материала в виде связывания системными отношениями предобъектных единиц — возможен, таким образом, в силу действия надобъектных, полевых сил и наличия у вещества собственной активности. Оговоримся сразу, что объект — это совершенно необязательно макрообъект. Достаточно двум предобъектным единицам вступить в системные отношения, чтобы мы назвали это сгущение объектом. Но что такое системные отношения?

Если в результате сгущения вещества силовые отношения между его единицами принимают значения, по сравнению с которыми общеполевые силы становятся пренебрежимо малыми, будем называть такие отношения системными. Следствием установления системных отношений, иначе — образования объекта, оказывается изменение формы активности единиц системы, ибо эта активность начинает определяться теперь внутриобъектными, или системными, условиями существования единицы. Иными словами, свойства вещества внутри системы отличаются от свойств вещества за пределами системы. Можно сказать иначе, поведение объединившегося в систему вещества отличается от поведения внесистемного вещества. Можно сказать также, что объект приобретает космогенетическую автономию.

Единицы вещества в объекте (предобъектные единицы) взаимозависимы. Как только исчезает их взаимозависимость, как только выравнивается атрибутивный набор единицы в объекте с атрибутивным набором ее аналогов вне объекта, объект исчезает, распадается. Объект задан специфической атрибутикой составляющих. Это значит, что существование внутриобъектной единицы в данном модусе есть функция существования ее партнеров по объекту и наоборот.

Назовем попарные отношения между единицами системы предметными. В систему

объединяются обычно единицы разного типа¹, поэтому даже в простейшей системе имеется некоторый набор предметных отношений. Это означает, что активность единицы объекта внутри его проявляется, специфицируется в виде некоторого набора форм такой активности. Назовем совокупную способность внутриобъектной единицы устанавливать предметные отношения ее опредмечивающей способностью (или силой), включим также в это понятие конкретные механизмы, обеспечивающие эту способность, т.е. те аспекты сущности объектной единицы, которыми она открыта в отношении своего предмета и которые замыкаются (консуммируются) при установлении предметного отношения, т.е. образовании системы. Можно говорить об опредмечивающей способности как о специфической форме активности материи, объективированной в данной сущности, т.е. образующей, состав данного объекта.

Объекты в составе системы взаимоопредмечены, контакты между ними закрыты, опредмечивающая способность консуммирована. Однако, надобъектные силы могут дестабилизировать систему, распредмечивая, разрывая предметные связи или повреждая компоненты системы (дисквалифицируя их в качестве таковых). В этой ситуации система или восстанавливается, черпая нужное из среды (или, что то же самое, открываясь среде) или перестает существовать в данном модусе. Здесь уместно заметить, что объекты тяготеют к вечности, но космос творится перманентно и, следовательно, перманентно пересоздает космогенетические объекты. Там, где происходит демпфировка разрушительных «пра-сил» (например, расстоянием — удалением от источника воздействия или благодаря появлению зоны раздела в виде мембраны, атмосферы и т.п.), сразу же создается новая генетическая ситуация и, соответственно, начинают работать новые генетические факторы. Иными словами, следствием образования объекта является то, что тем самым формируется еще одна неоднородность в космосе и объект сам превращается в источник полевых воздействий и в полигон дальнейшего объектогенеза — его составляющие становятся субстратом дальнейших объектных дифференцировок.

Фактически мы уже сказали достаточно для наших целей. Судьба каждого объекта определяется соотношением его космогенетической автономии и космогенетической активности. Конкретная картина развертывания материальной вселенной достаточно (для того, чтобы оправдать сказанное выше) изучена в классических науках — физике и астрономии, геологии и биологии. Можно назвать общие тенденции.

Загадка появления психики едва ли сложнее загадки появления трофики или способности к репродукции. Психика — есть свойство живых, следовательно, воспроизводящихся материальных систем. Но воспроизводство предполагает рост, умножение — с последующим разложением. Разложение без предварительного умножения абсурдно, ибо в данном качестве конечно. Умножение без разложения также имеет лимиты — с некоторого момента материальное сгущение начинает сжиматься под действием гравитационных сил и, в конечном счете, взрывается. Многие объекты, претерпевая достаточно изученные в астрофизике циклические изменения такого рода, в тенденции теряют космогенетическую активность и выпадают из космогенеза, фиксируясь в космосе (по крайней

¹ В зависимости от характера наличного предобъектного вещества конкретные объектогенетические условия могут породить некоторый набор объектных популяций (видов). В дальнейший объектогенез в данном объеме идет за счет образования межвидовых связей. На всех уровнях объектогенеза формирование сообществ идет рука об руку с формированием ценозов (разумеется, при наличии достаточного количества материала). Виды эволюционируют в рамках симбиотических (межвидовых) объединений.

мере на обозримое время — например в виде так называемых «черных карликов»). Другие оказываются вовлеченными в прогрессивный объектогенез, результатом чего оказывается увеличение номенклатуры космических (мировых) объектов и, следовательно, — усложнение предметных отношений и умножение форм предметности и, следовательно, — появление все более сложно и тонко организованных систем и форм консуммации. Следует специально оговорить, что такой прогрессивный объектогенез (его лучшим примером является геогенез — развитие нашей Земли) представляет собой эволюцию материи невзрывного типа, т.е. эволюцию внутри конечного объема и в относительно устойчивом диапазоне внешних космогенетических воздействий. Это влечет за собой умножение и расхождение линий прогрессивного объектогенеза, прогрессивный рост и усложнение атрибутивных наборов объектов, в результате чего оказывается возможным установление предметных отношений между продуктами высоких уровней объектогенеза и предметное замыкание больших систем и ценозов, умножение объектогенетических факторов, появление объектов, наделенных колоссальной способностью к опредмечиванию, усложнение и усиление взаимозависимости между членами ценозов и т.п.

Теоретически и экспериментально удается показать (т.е. показать на естественнонаучном материале), в какой точке космогенетического процесса могла начаться та линия объектогенеза, которая дала начало органическим объектам, и в частности, специфически земной форме органогенеза (см. Кальвин, 1971). Возможно далее показать момент, когда органическая активность принимает форму жизни, а органические системы становятся живыми системами, и еще далее показать дихотомизацию органогенетического процесса на линию генеза растительных объектов и животных объектов. Проследивая последнюю линию, мы придем к человеку и к человеческой психике.

Применительно к каждому члену этих континуумов можно говорить о его объектности (во всей совокупности его онтологических и фило- и онтогенетических характеристик), об опредмечивающей способности (как в аспекте обеспечивающей ее материальности, так и в аспекте номенклатуры устанавливаемых предметных связей), о способах и условиях опредмечивания и распределенности. Ни одна из этих характеристик не выводится из объекта, хотя, разумеется, свои конкретные значения эти характеристики обретают только в объекте. Вместе с тем, любой объект дан в этих характеристиках, и для каждой из них можно проследить конкретную генетическую динамику и, соответственно, выделить некоторое множество линий генезов в рамках объектогенеза. Это значит, что для каждой такой линии можно указать объекты (или видовые объединения таких объектов), являющиеся вершиной ее развития.

Одной из таких вершин является человек, или точнее — человеческая психика. Особенностью человека является то, что будучи — в плане онтологии — специфическим образом мира, человек имеет еще и свой сознательный образ мира как индивидуальную гносеологическую конструкцию. Можно сформулировать это так: объективно, человеческая психика — образ мира, субъективно — концепция мира.

15. Мы можем, наконец, осуществить заключительное рассуждение, касающееся онтологического статуса психики.

Мировые (или космические) объекты эволюционируют в том направлении, что из субстанций, наделенных ограниченным набором элементарных, так называемых физических, атрибутов, они превращаются во все более сложные процессуальные субстанции с иерархией атрибутов, высшие из которых становятся свойствами — т.е. тем, в чем проявляется данная субстанция при взаимодействии с другими субстанциями (свойство как интеробъектный, коммуникативный атрибут, атрибут для другого).

В процессе эволюции такие атрибуты становятся формообразующими свойствами=качествами, задающими направление адаптивной модификации своим субстанциям. На уровне живых систем как следствие работы механизма индивидуальной эволюции (мутации и пр.) и механизма видообразования (естественный отбор и пр.) происходит не только все большая спецификация формообразующих свойств — подчинение субстанции функциям вплоть до того, что оказывается возможным отождествлять субстанцию в целом и детерминирующее ее эволюцию фундаментальное свойство. У живых объектов таким свойством является отражательность, а имя подчинившейся, воплотившей это свойство субстанции — психика.

Это сугубо методологический вывод из всего сказанного выше состоит в том, что психика человека не может быть сведена ни к деятельности, ни к общению, ни к ее материальности, ни к специфическим атрибутам этой материальности, ни к страдательности психики (многообразием испытываемых ею разноприродных воздействий). Все это лишь двери, ведущие к пониманию сложнейшего феномена, определяющегося (становящегося) и существующего в системе взаимодействующих реальностей. Реальностей, которые изначально не были автономными и которые сами на протяжении всей своей эволюции сущностно определялись во взаимодействии и как продукты взаимодействия.

В настоящей статье автор ставил перед собой достаточно ограниченную цель, обозначенную в названии статьи. Вместе с тем он отдает себе отчет в том, что предложенное им понимание психики как бы налагает на него ряд обязательств: во-первых, назвав психику вещью, мы должны развернуто описать механизм и изложить историю появления этой вещи в мире других вещей, т.е. представить онтологическую картину психогенеза. Во-вторых, назвав психику принадлежностью индивида, мы должны указать, в какой момент своего существования индивид становится обладателем этой принадлежности; более того, мы должны указать, как формируется, разворачивается психика в процессе индивидуальной жизни, как она превращается в эффективный механизм, обеспечивающий жизнь индивида, и как она работает в качестве такового — т.е. мы должны представить онтогенетическую и актуал-генетическую схемы психики. В третьих, мы должны показать как осуществлялась эволюция психики от вида к виду, уметь нарисовать картину межвидовых различий, составить хотя бы приблизительную типологию психик — т.е. представить филогенетическую систему психогенеза. Кроме того, мы должны, в четвертых, увязать введенное нами понятие с системой традиционных психологических понятий и, в пятых, построить междисциплинарную модель психики, указав, в частности, место психологии в системе наук, поставляющих ей необходимые знания. Наконец, и это в шестых, академические традиции требуют представления возможно более полной сводки воззрений, отличающихся от авторского, и критики их, экспликации автором генезиса представлений, в русле которых сформировались его собственные взгляды, а также описания теоретических и практических преимуществ его взглядов по сравнению с альтернативными; автор, кроме того, должен суметь сделать прогностические выводы в отношении дальнейшего развития своих взглядов.

Только сделав это, мы сумеем трансформировать пафос, интуицию и общеметодологические подходы в основательную и устойчивую теорию. Все названное, однако, — большие темы, каждая из которых (даже при единстве постулатов) требует самостоятельной логики рассуждения, своего композиционного оформления и, следовательно, своего времени и места. Автор, кроме того, сознательно стремился к такой стилистике изложения, которая позволила бы ему не столько ответить на

вопросы, сколько поставить и спровоцировать их, — исходя из того что данная статья не более, чем начало большого и назревшего разговора. Более того, автор просит помощи у читателей в дальнейшем уточнении и понятийном оформлении намеченных в статье представлений.

Несколько слов в заключение. Психологии нужна психика. (Просится на бумагу перефразировка классической формулы: если бы психика не существовала в реальности, ее следовало бы выдумать психологам.) Здоровая, социально эффективная и ответственная научная дисциплина может строиться только вокруг целостного и онтологически сущего предмета. Дело ученого постигать свой предмет, а не сметывать его — корреляционной, логической или иной дратвой — из подручного и разноосновного материала. Портной может оказаться гениальным художником. Но ремесло ученого и ремесло художника — это разные ремесла.

«Историческое развитие всех наук приводит к их действительным исходным пунктам лишь через множество перекрещивающихся окольных путей. В отличие от других архитекторов, наука не только рисует воздушные замки, но и возводит отдельные этажи здания прежде чем заложить его фундамент» (Маркс К., Энгельс Ф., Соч. т. 13, с. 43).

В психологии, как мы уже говорили, такой процесс все еще продолжается. Системная концепция психики, развиваемая на этих страницах, предполагает и делает возможной (можно сказать и сильнее — только она-то и делает возможной) системную организацию психологического знания подлинную (неэклетическую) интеграцию многочисленных тонких и умных концепций и наблюдений, накопившихся в мировой психологии.

Предлагаемое в статье понимание психики делает также возможным и обязательным преодоление — на деле, а не на словах — восприятия психологии представителями других подразделений науки как эзотерической и произвольной гносеологической конструкции. В свою очередь, психология и сама не должна и не может стоять в стороне от центральных для биологии и физики проблем происхождения и эволюции форм материи — ибо это для нее не необязательные и абстрактные разговоры, а то, чем определяется понимание сути ее предмета. Психологи должны не просто знать те или иные широкие биологические и общефизические концепции, они должны относиться к ним — отвергать одни и солидаризироваться с другими. Психологической проблематике пора влиться равноправным и равноактуальным партнером в широкий спектр тематики естествознания и общественных наук, т.е. сделать то, к чему ее с самого начала призывали и на что ее ориентировали фундаторы и стратеги современной психологии — Вундт (там), Выготский (здесь). «Она (та научная система, которая раскроет биологическое значение психики в поведении человека) придет как широкий биосоциальный синтез учения о поведении животного и общественного человека. Эта новая психология будет ветвью общей биологии и вместе — основой всех социологических наук. Она составит тот узел, в котором свяжутся науки о природе и науки о человеке. Она поэтому действительно будет теснейшим образом связана с философией, но с строго научной философией, представляющей объединенную теорию научного знания, а не со спекулятивной философией, предшествующей научным обобщениям» (см. Выготский, 1982 а, т. 1, с 76)). Не об этом ли говорится и в приведенных выше словах Маркса? Действительно, марксистский характер любой дисциплины, в т.ч. и психологии, должен перманентно подтверждаться ее сопрягаемостью с основным телом материалистического естественнонаучного знания. Истощаемую редукционизмом психику пора одеть в строгие материалистические одежды и бесповоротно вернуть в строй современных представлений о мире и о живом.

Литература¹

1. Брушлинский А.В. Взаимосвязь процессуального и личностного аспектов мышления // Мышление: процесс, деятельность, общение / Под ред. А.В.Брушлинского. М., 1982.
2. Гальперин, 1976, с. 22.
3. Гальперин, 1976, с. 7
4. Гальперин П.Я. Введение в психологию. М., 1976.
5. Гальперин П.Я. Проблема деятельности в советской психологии // Тезисы докладов к V Всесоюзному съезду Общества психологов. М., 1977.
6. Давыдов, Зинченко, Галызина, 1982.
7. Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1979, № 2.
8. Найссер У. Познание и реальность. М., 1981.
9. Непомнящая Н.И. 1977, с. 42
10. Орлов В.В. 1966.
11. Рубинштейн, 1946, с. 5
12. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. 1957.
13. Смирнов С.Д. Мир образов и образ мира // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология., 1981, № 2.
14. Тендряков, 1983, с. 269
15. Хэссет, 1981
16. Ярошевский М.Г., 1974

¹ Черновой набросок.